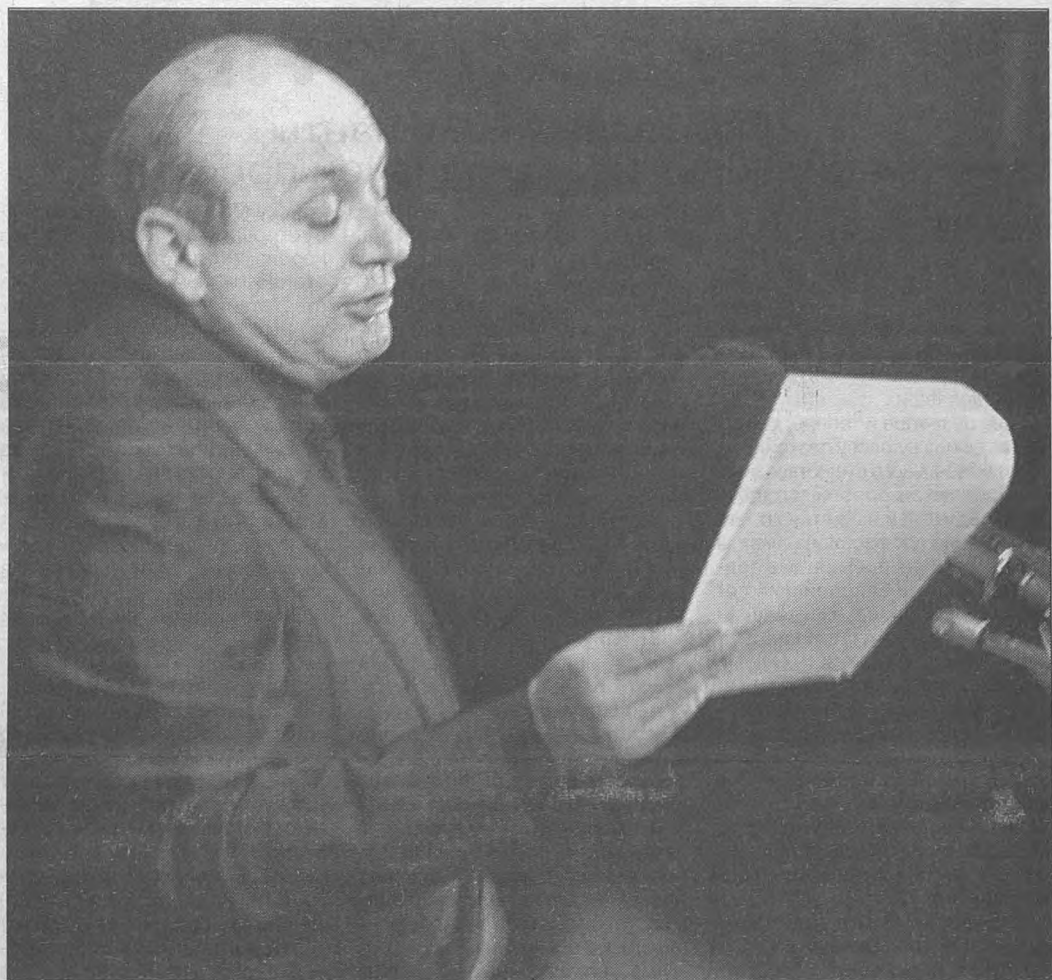

Известия - 1998. - 25 дек. - с. 7.

Весь Жванецкий

Опыт юмористической ретроспекции

Телевизионные собрания сочинений — вещь уникальная в практике отечественного ТВ. В практике мирового телевидения, по всей вероятности, тоже. Но там она даже, пожалуй, и невозможная. Ну хотя бы потому, что там не было и нет таких литераторов, как Ираклий Андроников или Михаил Жванецкий, словно бы созданных для ТВ. Ну и потому, что там не было такой малости, как советская власть.

Юрий БОГОМОЛОВ

Что касается Андроникова, то телевидение собрало его «устные рассказы» как бы нечаянно, без твердо осознанной цели: просто записывало и записывало его выступления — получился отменно длинный телесериал о культуре, точнее, о людях отечественной культуры. Это историческое свидетельство бесценно, поскольку оно еще и художественно.

Жванецкий — другой случай. НТВ предпринял попытку собрать «устную прозу» писателя, когда она уже почти вся рассказана. Сейчас она у всех на слуху и в значительной части у многих на устах, поскольку до телекамер исправно поработали диктофоны.

До видеоЖванецкого нам явился аудиоЖванецкий, которого мы конечно же в пору его противостояния советской власти воспринимали более непосредственно — героический ореол был при нем как головной убор. Неотъемлемый и вместе с тем нечаянный.

Жванецкий, щедрый на краски для персонажей, которых плодил с таким энтузиазмом, ненадолго сотворил из себя кумира.

Тогда их (кумиров) было не так уж и много. Высоцкий стал, как

сегодня бы сказали, выразителем протестного электората. Он олицетворял героический надрыв, романтическое отчаяние. Жванецкий — глубокое недоумение, что и отличало его юмор от юмора его старшего современника Аркадия Райкина. Михаил Жванецкий не обличал и не высмеивал, а просто доискивался логики в том, что нас окружало и что с нами происходило. Доискавшись, обнаруживал, что логика эта абсурдная, в чем и состояла собственно его сатира. Шаг за шагом, скетч за скетчем он создал энциклопедию советского абсурдизма, которая на поверку оказалась нечаянной, но достоверной историей государства советского.

Было в образе аудиоЖванецкого нечто от всеми любимого бродяжки Чарли — та же внешняя непрезентабельность и та же произвольная отвага.

Сегодня видеоЖванецкий — это радость не сопереживания подвигу, а воспоминания о нем и его переобдумывания. Видно, что автору самому любопытно себя перечитывать вслух, как бы проникаясь уважением к собственной пронизательности.

Перечитывание для Жванецкого есть напоминание о его авторстве. Для нас — тоже. Ведь большая часть его шуток, острот, каламбуров и даже образов «уш-

ли» от него. Что-то и кто-то числится за Райкиным, кто-то и что-то — за Ильченко и Карцевым... А немалая доля его творчества приобрела статус фольклора. «Нормально, Григорий. Отлично, Константин» — это ушло в народ, разошлось в анекдотах.

Жванецкий, разумеется, не в обиде. Он, наоборот, благодарен судьбе и себе. Но в полном телевизионном собрании своих сочинений терпеливо и скрупулезно инвентаризирует свою интеллектуально-творческую собственность. Наблюдать за этим процессом со стороны небезынтересно. Алкаш из Греческого зала, соединенный в нашем сознании, казалось бы, на веки вечные с образом, созданным Райкиным, в авторском изображении не такой гротескный, не такой агрессивный... Это другой человек. Он — алкаш-лирик. Он не столько раздражен и разъярен обстоятельствами, помешавшими ему получить удовольствие от жизни по полной программе, сколько философски опечален несовершенством совершенного из миров, именуемого «Греческим залом».

В этом и дело: пронизательные юмористы обречены быть еще немножечко и философами. Такое произошло когда-то с Щедриным. В сравнительно недавнее время — с Зощенко. К этому пришел Жванецкий.

Другое дело: что дальше? Пошлость советской власти для философа и поэта — службишка, не служба. Служба и испытание — пошлость массовой потребы. Она — впереди. Она уже началась. Чем на нее ответит Жванецкий?